

КУЛЬТУРОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

УДК 009

ГРНТИ 00.09

ВАК 24.00.01

А. В. Бондарев

Санкт-Петербург, Россия

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ: ПАМЯТЬ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА И ПРОБЛЕМА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история культурологии, культурологический дискурс, научное сообщество, самоидентификация

АННОТАЦИЯ: В статье автор раскрывает основные этапы становления культурологии как сферы научного знания и показывает, какое значение для утверждения ее статуса имеет обращение к истории науки.

A. V. Bondarev

St. Petersburg, Russia

THE HISTORY OF CULTURAL STUDIES: THE MEMORY OF THE SCIENTIFIC COMMUNITY AND THE PROBLEM OF SELF-IDENTIFICATION

KEYWORDS: history, cultural studies, cultural discourse, the scientific community, identity

ANNOTATION: In article the author reveals the main stages of cultural studies as areas of scientific knowledge and shows what is for approval of its status has appeal to the history of science.

В рамках того научного пространства, которое мы сейчас называем культурологией, накоплен огромный исследовательский опыт. Многие выдающиеся ученые внесли существенный вклад в развитие нашей науки и формирование самого культурологического дискурса. Все это обуславливает потребность в реконструкции пройденного пути, его изучения и осмысления. Однако отсутствует конвенционально выработанное понимание подлинных истоков и основных направлений в развитии культурологии в их исторической ретроспективе. Существующие учебные пособия и исследовательские разработки по данной тематике за редчайшими исключениями затрагивают по большей части историю становления философских концепций культуры, но не историю собственно культурологической науки. Причем, вот что я бы отметил:

происходит явное смешение культурфилософии и культурологии, а заодно и траекторий их исторического развития. Не буду перечислять авторов, которые вольно или не вольно транслируют такие взгляды; существуют целые учебники и учебные пособия, которые имеют соответствующие грифы, и студенты теперь по ним учатся. Здесь я хотел бы в качестве редкого исключения из всех этих работ привести в пример удачные исследования Юлия Арамовича Асояна. Его книга «Открытие идеи культуры», опубликованная им соавторстве, посвящена предпосылкам формирования культурологического дискурса.

Исследователь связывает их с первыми опытами осмысления культуры как мира символов в трудах мыслителей «символистского круга» (А.Белый, Вяч.Иванов, П.Флоренский и др.). Главная

КУЛЬТУРОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

ценность предпринятого исследования – это применение историко-лексикографического подхода, в котором прослеживается становление и эволюция ключевых концептов, составляющих ядро русского культурлексикона XIX – начала XX века («культура», «цивилизация», «просвещение», «образование», «воспитание» и др.). По моему мнению, в этом случае можно говорить об аутентичности предпринятых реконструкций. Вместе с тем в своем вступлении к книге Ю.А. Асоян сделал очень важную оговорку, что эта работа – лишь самый начальный этап в дальнейших реконструкциях истории культурологии. Хотелось бы, чтобы дальнейшие шаги в исследовании становления нашей науки были предприняты столь же удачно, как это получилось в работе Юлия Арамовича.

Историю культурологии с ее сложными и порой трагическими поворотами, попятными движениями, совсем не просто представить в виде цельной картины. Генезис культурологии предстает перед нами как множество отдельных всплесков интереса к этой области исследований, обрывающихся пунктиров культурологических разработок, хотя отдельные начальные звенья истории культурологической области познания по найденным крупицам фактов все же удастся надежно связать друг с другом. В целом ряде случаев эту связь установить крайне сложно.

Реконструкция только на основе знакомства с опубликованными работами неизбежно приводит к искажению всей картины становления культурологических исследований. Это вызвано тем, что в подавляющем большинстве случаев этот путь не дает ответов на самые главные вопросы историко-культурологической реконструкции, а лишь ведет к бескрайнему расширению списка источников и литературы. Однако поскольку культурология достаточно молодая наука, то до самого последнего времени бы-

ло вполне возможно ориентироваться на воспоминания живых участников создания культурологии (Маркарян, Каган, Кармин, Массон, Иконникова, Флиер и др.). Лично мне очень многое дали беседы с этими замечательными учеными: возникало совершенно иное понимание того, как на их глазах происходило становление нашей науки, как они ее видели, как она запечатлелась в их сознании... Для *аутентичной*, т.е. наиболее достоверной и точной, реконструкции истории любой науки, и в частности культурологии, чрезвычайно важное значение имеет возможность приобщения к вот этой *устной традиции*. Поэтому настоятельно необходимо принимать оперативные меры по ее фиксации, поскольку именно в изустной традиции можно почерпнуть те редчайшие сведения, которые могут обладать ни с чем несравнимой значимостью при попытках реконструкции развития культурологического знания. Механизмы забвения необратимо поглощают прежде всего «человекомерную» составляющую истории нашей науки, быть может самую ценную, но столь быстро ускользающую. Опубликованные работы остаются, чего нельзя сказать о живых голосах, чувствах и эмоциях уже ушедших классиков культурологии... Благодаря приобщению к изустно передаваемой традиции возможно уточнить ход мысли ряда исследователей, установить взаимосвязи между различными авторскими подходами в изучении ключевых проблем культурологии, влияние одних ученых на других и т.д. Но и потенциал устной традиции оказывается на определенном этапе исследования ограничен, т.к. многое со временем забывается или оказывается искажено позднейшими наслоениями событий...

Понятно, что никакая наука не может возникнуть в одночасье, разумеется, ее возникновению предшествует период длительного накопления соответствующего знания. Однако насколько сле-

КУЛЬТУРОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

дует растягивать этот подготовительный период формирования предкультурологии? Кого мы можем относить к числу предтеч культурологии? Уайта, Кребера, Риккерта? Но тогда почему не Данилевского или упоминавшегося здесь Карсавина? Некоторые возводят происхождение культурологии к Гердеру, но тогда почему бы не считать первыми «культурологами» Джамбаттиста Вико или Ибн Халдуна? А если Ибн Халдуна, то почему не Сыма Цяня? Насколько мы можем растягивать этот ряд имен? На каком вообще основании мы причисляем того или иного ученого или мыслителя в состав культурологов? (Это как раз одна из тех проблем, которую постоянно поднимает в своих выступлениях Сергей Дмитриевич Серебряный). Следует принимать во внимание также и то, что на протяжении длительного времени становление культурологии (точнее я бы сказал – «культурологического дискурса») происходило в рамках многочисленных культуроведческих наук (истории культуры, филологии, лингвистики, этнографии, искусствоведения и др.). Что должно выступать в качестве критерия в определении точки перехода от «предшествующего накопления знания» к возникновению собственно культурологии? Что следует считать исходной, отправной точкой в ее развитии, «точкой ноль»?

Мне представляется, что одного истока у культурологии нет. Их много, и в этом-то и заключается, на мой взгляд, главная проблема. Конечно, у многих наук несколько разных источников возникновения. У культурологии, быть может, их даже больше, чем у других. Очевидно, мы можем говорить о *полигенезности* происхождения культурологии. Сама логика научного познания и те проблемы, которые стояли перед науками о культуре на рубеже XIX – XX вв., подводила самых различных ученых к необходимости синтеза, формированию взаимосвязанного комплекса научных представлений о

культуре как о целостной и многообразной системе.

Эти и другие сложности обуславливают весьма размытые и противоречивые представления об истории культурологии. Некоторые даже утверждают, что культурология – это не более чем переименовавшаяся наследница исторического материализма и других советских идеологических дисциплин, а нынешние культурологи – это якобы «перестроившиеся сотрудники кафедр марксистско-ленинской философии и эстетики». Этот вопрос часто встает в разговорах с зарубежными коллегами. Генезис российской культурологии они воспринимают как метаморфозу истмата, с соответствующим превращением «истматчиков» в «культурологов». Абсолютно убежден, что это в корне неверное представление, насаждаемое со вполне определенными целями. Мои чисто эмпирические наблюдения и достаточно обширные опросы представителей старшего поколения культурологов показывают, что численность преподавателей, прежде читавших истмат, среди культурологов крайне незначительна. Это представление гораздо более приложимо к социологам и политологам. Прошлое культурологов если и не безупречно, то все-таки в меньшей степени, чем у них. Но к ним почему-то идеологических претензий не предъявляют...

Однако следует признать, что в нашем знании о прошлом культурологии действительно множество зияющих лакун. Это весьма показательно в контексте «memory studies»: для понимания и оценки состояния «коллективной памяти» культурологов, изучения функционирования «образов прошлого» нашего профессионального сообщества, фиксации «мест памяти» или особо значимых «памятных событий» и т.д. Достаточно сказать, что такое важное, с моей точки зрения, событие, как столетие открытия

КУЛЬТУРОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

идеи культурологии прошло... незамеченным для культурологов. Да, как это не прискорбно для нас признавать. А ведь в 2009 году профессиональным сообществом культурологов могло бы быть отмечено *столетие* «проекта» по созданию культурологии. Напомню, что впервые этот замысел был выдвинут Вильгельмом Фридрихом Оствальдом в его статье «Das System der Wissenschaften» («Система наук») и в развернутой форме в книге «Die energetischen Grundlagen der Kulturwissenschaft» («Энергетические основы науки о культуре»), изданных в 1909 г.¹ Хотя, как он сам вспоминал, вопрос о необходимости выделения культурологии как особой науки по системно целостному (а не раздробленному, частнодисциплинарному) изучению культуры Оствальд неоднократно и прежде обсуждал на своих лекциях со своими студентами и аспирантами.

Следует особо подчеркнуть, что Оствальдом был предложен не просто еще один термин для обозначения очередной науки, изучающей культуру. Гениальность этого ученого заключалась в том, что он, явно полемизируя с баденской школой неокантианской культурфилософии, первым убедительно обосновал тезис, что культура представляет собой такой же доступный для научного изучения объект, как социальные или природные явления, человеческая психика и т.д. На этой основе им была предпринята попытка разработать программу по системному изучению культуры с использованием всего арсенала средств, накопленных наукой к тому времени. Под культурологией («die Kulturologie») Оствальд понимал науку о специфически человеческих способах деятельности в их систем-

ной сопряженности. Иными словами, Оствальдом был предложен проект создания культурологии как дисциплины, которая бы ставила бы своей целью *обобщенно-научное* знание о культуре как системной целостности. Эта наука, согласно изначальному замыслу Оствальда, а вслед за ним и Л.Э. Уайта, должна была стать принципиально новым способом изучения культурных явлений, раскрытия общих закономерностей культурно-исторического процесса и специфики человеческой культуры. Им была предложена *идея* культурологии, а не просто термин.

Название «die Kulturologie» – это сугубо немецкое изобретение. Гениальность Оствальда и заключалась в том, что он существенно уточнил специфичность, как мы сегодня сказали бы, «культурологизма». И название это возникло совсем не случайно: его перестал устраивать термин «Kulturwissenschaft». Во вступительных словах к своей основополагающей работе «Энергетические основы науки о культуре» Оствальд прямо пишет, что сначала хотел назвать издание этих своих лекций «Энергетические основы социологии». И во всей работе он постоянно сопоставляет культурологию с социологией. Кстати, проект культурологии Л. Уайта также возник из сопоставления с социологией. То же самое мы видим у Э.С. Маркаряна. Культурология рождалась в сопоставлении с социологией. Следовательно, в этом и ряде других случаев можно говорить о *гомологичности* траекторий поисков выдающихся мыслителей, ставших родоначальниками проекта создания культурологии как особой науки о культуре. Для меня важна даже не столько проблема истоков и их глубины, сколько нахождение точки скрещения, точки синтеза, от которой мы можем отсчитывать историю сугубо культурологического знания. И эти поиски привели меня к 1909 г., к Оствальду. До того – все траектории поисков имели качественной

¹ К сожалению, несмотря на значительную популярность у нас в России на рубеже XIX-XX веков идей Оствальда, связанных с его философией энергетизма, эта книга тогда своевременно на русский язык не была переведена, хотя многие его работы переводились и очень оперативно.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

иной характер и направленность, хотя идея в общем-то носилась уже в воздухе. В этом смысле переименование в 1899 году Г. Риккертом «Geistwissenschaften» в «Kulturwissenschaften» весьма показательно. Но только гениальный Оствальд ухватил эту Идею и дал ей собственное имя – *КУЛЬТУРОЛОГИЯ*.

Дальнейшее развитие именной этой идеи (в работах Л.Э. Уайта, Э.С. Маркаряна и др.) стало краеугольным камнем всего последующего формирования культурологии. Причем это не был прямой путь, подобный линейно-эволюционному росту. На этом пути были и переоткрытия идеи культурологии, и периоды ее забвения, и брожение умов в ее понимании, и развилки в траекториях ее концептуального развития... Но вот эта работа Оствальда, в которой впервые был обоснован проект по созданию культурологии, до сей поры почти не известна современным специалистам. И это обуславливает значительные абerrации, искажение в представлениях о становлении нашей науки, и в частности такое, что *столетие идеи культурологии* оказалось незамеченным.

Проблематичность и дискуссионность существующих на настоящий момент реконструкций истории культурологического знания связана, на мой взгляд, прежде всего с двумя обстоятельствами: во-первых, нечеткостью осознания «объекта развития», т.е. понимания специфичности культурологии (*«историю чего мы реконструируем?»*); и, во-вторых, несовершенством теоретико-методологического инструментария реконструкций ее истории (*«как изучать историю культурологии?»*). Все это обуславливает, на мой взгляд, крайне неудовлетворительное состояние исследований в этой области. Попробуем вкратце рассмотреть оба этих узловых пункта.

Для того чтобы заниматься реконструкциями по истории культурологии, необходимо со всей отчетливостью осоз-

навать и учитывать *специфичность* того объекта, историю которого мы реконструируем, то есть специфику культурологии как самостоятельной науки, которая имеет своей целью обобщенно-научное знание о культуре как системной целостности. И в этом смысле представляется очень важным и эвристически полезным принцип трех уровней культурознания, предложенный Ириной Марковной Быховской еще в 90-х годах прошлого века (вот она актуальность прошлого и важность знания опыта своих предшественников!). Культурология – это по существу качественно особый уровень рассмотрения мира культуры, занимающий в системе культурознания промежуточное положение между абстрактно-философским (культурософия) и частнодисциплинарным уровнями (культуроведение). Понимание этой специфической «фокусировки» культурологического уровня исследования чрезвычайно важно для адекватного выстраивания отношений культурологии и культурфилософии, равно как и связей с другими науками о культуре, использующих свой арсенал средств познания. И эти науки имеют свою собственную историю формирования, которая, естественно, зачастую оказывалась теснейшим образом взаимосвязана с постепенным выделением культурологии как качественно особой области исследовательских практик и отдельной самостоятельной науки. *«За деревьями видеть лес»*, за колоссальным вариативным многообразием культурных явлений видеть *инвариантное* – культуру в ее системной сопряженности и целостности. Вот исходная установка, заложенная в фундамент культурологии ее основоположниками. Кстати сказать, в этом заключается принципиальное отличие культурологии от культурной антропологии, нацеленной по преимуществу на постижение культурного много- и разнообразия, т.е. *вариативности* форм и явлений культуры. Понимание этой специфи-

КУЛЬТУРОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

ческой фокусировки, промежуточного положения культурологии между абстрактно-философским и частно-дисциплинарными уровнями, мне кажется очень важным. Конечно, эта дифференциация уровней культурознания (культурфилософия, культурология, культуроведение) достаточно условна. В конкретной исследовательской практике отдельных ученых эти уровни вполне успешно могут сочетаться и совмещаться. Но вместе с тем именно этот принцип (я бы даже сказал еще более категорично – только этот принцип) задает четкие ориентиры для понимания специфики генезиса культурологии и особенностей ее формирования в исторической ретроспективе по отношению к философии культуры и по отношению ко всему сонму культуроведческих дисциплин (этнографии, истории культуры, искусствознанию, языкознанию и т.д.). Поэтому мне представляется, не следует путать историю культурфилософии и культуроведения с историей собственно культурологии.

Теперь то, что касается теоретико-методологического инструментария реконструкций. История культурологии может быть представлена в различных теоретико-методологических проекциях: в рамках *биографического подхода* история культурологии предстает как повествование о выдающихся ученых и мыслителях, сыгравших определенную роль в развитии культурологии. Это находит свое выражение в биографических реконструкциях, а также изложении их концепций и взглядов.

История идей и интеллектуальная история, формирующие *историко-концептографический подход*, дают возможность взглянуть на историю культурологии как историю формирования, сохранения и изменения культурологических идей, концептов, интуиций и понятий в процессе познания культуры. Интеллектуальная история изучает идеи через культуру, биографию и социокуль-

турное окружение их носителей, также она включает в себя изучение различных исследовательских практик, разработанных методов и подходов, применяемых в культурологии.

Парадигмальный подход – история культурологии в контексте смены научных и мировоззренческих парадигм европейского гуманитарного знания, а также различных исторически-конкретных способов понимания-конструирования феномена культуры (культурология как парадигма гуманитарного сознания XX в.).

Социально-антропологический подход – в свете «антропологии академической жизни» история культурологии предстает как история культурологического сообщества (выявление влияния взаимоотношений между различными учеными на генерацию и циркуляцию идей, культурологических знаний, формирование целых научных направлений; принятие во внимание неписаных правил, особенностей научного этикета и т.д.; изучение центробежных и центростремительных тенденций в сообществе культурологов и т.д.);

Историко-дисциплинарный подход позволяет исследовать историю культурологии в контексте формирования дисциплин культурологического цикла и различных отраслей культурознания (философия культуры, культуроведческие науки, собственно культурология и т.д.).

Наконец, через призму *институционального подхода* история культурологии может быть представлена как история культурологических институтов и учреждений (НИИ, кафедры, лаборатории, отделения и т.д.).

Стало быть, существующие подходы в историко-культурологических исследованиях дают совершенно различные ретроспекции видения прошлого, в том числе и видения собственного прошлого истории культурологии. Следовательно, задача историко-культурологического исследования в данном случае заключа-

КУЛЬТУРОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

ется в разработке многомерной теоретико-методологической модели истории культурологии, синтезирующей все возможные проекции ее реконструкции и изучения. В этом смысле глубоко прав Вадим Михайлович Межуев, отмечая, что мы не знаем истории культурологии, история культурологии, до сих пор, к сожалению не написана. Более того, большая часть работ по истории культурологии, и даже существующие учебники, серьезно искажают, на мой взгляд, действительную картину становления культурологии. Таким образом, создается неверная реконструкция прошлого нашей науки. Казалось бы, что тут такого, это ведь про прошлое... Но ведь тем самым деформируется наше представление о том, что есть культурология в настоящем и каковы ее перспективы развития в будущем!

Культура является объектом исследования многих наук, и каждая из них в этом грандиозном объекте выделяет свое явление или сторону, свой предмет и соответствующий ему метод его изучения. Многие исследователи в области филологии, истории, востоковедения, археологии, искусствоведения перерастали рамки этих специальных наук, создавали обобщенные панорамы развития культуры различных народов, умели конкретное явление видеть в контексте развития всей системы культуры, разрабатывали узловые проблемы теории культуры. В таком случае их исследования приобретали культурологический уровень генерализации, а сами они могут рассматриваться в качестве культурологов.

На этом основании можно говорить, что значительная роль в формировании историко-культурологического дискурса принадлежит физико-химику В. Ф. Оствальду, языковеду и археологу Н. Я. Марру, востоковеду Н. И. Конраду, филологам Д. С. Лихачеву,

Ю. М. Лотману и С. С. Аверинцеву, историко-географу и этнологу Л. Н. Гумилеву, археологам А. П. Окладникову, В. М. Массону и многим другим ученым. Благодаря их усилиям в XX веке постепенно происходило формирование культурологического сознания, пробуждалось новое понимание человека, общества и истории.

Но в истории нашей науки я бы выделил все же лишь три ключевых и наиболее значимых, на мой взгляд, имени. При этом следует иметь в виду, что рождение культурологии было неоднократным, ее открывали и переоткрывали разные исследователи в разных ситуациях, в разных историко-культурных, историко-политических контекстах. Первое рождение, насколько мне известно, благодаря собственному исследованию, было связано с открытием идеи культурологии *Вильгельмом Фридрихом Оствальдом*. Второе рождение более всем известно и вне каких бы то ни было сомнений связано с деятельностью *Лесли Элвина Уайта*. И третье рождение, связанное со вторым, – это проект по созданию культурологии *Эдуарда Саркисовича Маркарян*. Вот именно этот проект, в отличие от двух предшествующих, нашел заинтересованную поддержку среди многих коллег, получил значительное продолжение и развитие, свидетелями чего мы все здесь присутствующие и являемся.

История науки – форма ее коллективной памяти и как таковая является основой идентичности членов научного сообщества. Представление о прошлом науки неразрывно связано с пониманием учеными предмета и объекта, целей и задач своей дисциплины. Формирующееся в нашей стране культурологическое общество нуждается в самоопределении, определении границ профессиональной принадлежности, стабилизации механизмов рекрутирования новых членов и их «цеховой» социализации. Слишком много появилось культурологов и пытаю-

КУЛЬТУРОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

щихся прихватизировать это название и этот статус, что, конечно же, ведет к дискредитации уже на протяжении двух десятков лет нашей области знания в глазах очень многих коллег из других научных областей. Важную роль в преодолении этой ситуации может сыграть процесс осмысления культурологией своего прошлого, формирования консенсуса относительно принадлежности тех или иных фигур и научных направлений к культурологическому знанию. В ситуации полипарадигмальности культурологии, дискусионности ее методологических оснований и дисциплинарных границ история культурологических учений тесно соединяется с теоретической культурологией, определяя тем самым фундаментальные основания науки о культуре. Следовательно, аналитическое рассмотрение многолетнего российского и мирового опыта научного изучения и философского осмысления культуры со всей очевидностью имеет не только академический, но и четко выраженный прикладной аспект, связанный с оценкой перспектив совершенствования культурологических исследований и практической важностью применения вытекающих из них выводов для разработки адекватной стратегии развития культурологии как науки.

В последние два десятилетия культурология в России и в ряде сопредельных стран прошла период институционализации и как наука, и как учебная дисциплина. Тем не менее необходимо признать, что культурология на сегодняшний день более востребована и принята лишь в системе образования, но не среди академического научного сообщества. Показательно, что в Российской академии наук до сих пор отсутствует отделение по культурологии, а в системе Российской академии образования хотя и открылось соответствующее направление и отдельный Институт культурологии образования, но тут все как-то тоже заглохло. Вместе с тем, как справедливо

отмечает А.Я. Флиер, культурологи начинают уверенно завоевывать площадки социальной коммуникации, социокультурной экспертизы, общеадминистративной референтуры. «Но все это не имеет системного характера. – указывает А.Я. Флиер. – Общество еще не осознало широких познавательных и экспертных возможностей культурологии, возможностей практического применения широкопрофильных знаний культурологов. Но это осознание постепенно начинает формироваться».

С чего следует начать аутентичную реконструкцию прошлого культурологии? Что могло бы стать одним из шажков в направлении формирования адекватной истории культурологии?

Мне представляется, что удобным кластером таких исследований могло бы стать изучение истории научных школ и научно-образовательных центров по культурологии. К примеру, была ли создана ли история Российского института культурологии? Написана ли история становления культурологии и культурологического образования в Екатеринбурге или Томске? Мне кажется, что такие вот конкретные, прикладные исследования, реконструкция истории очагов становления культурологии и культурологического образования в нашей стране, могли бы существенно продвинуть адекватное понимание формирования российской культурологии. Без этой зачастую весьма сомнительной апелляции к выдающимся, великим мыслителям прошлого, но имеющим порой очень отдаленное отношение к истории нашей собственной культурологии.

Резюмирую. Смысл моего выступления заключался в том, чтобы показать, что для эффективности развития культурологии и минимизации наших собственных трудозатрат желательно хорошо знать накопленный опыт наших выдающихся предшественников, их достижения и заблуждения, уважать их усилия и ис-

КУЛЬТУРОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

кания, ценить их вклад в нашу общую копилку знаний о культуре... «Культурологическая оптика» прекрасно позволяет нам заглядывать не только в глубины истории культуры, или улавливать тончайшие нюансы современных трендов социокультурного развития, но и создать синтетическую, действительно многомерную модель истории культурологии. В этом я вижу задачу историко-культурологического синтеза в изучении прошлого нашей собственной науки во всем многообразии возможных проекций.

Все сказанное свидетельствует о том, что работа в обозначенном направ-

лении требует разработки комплексной методологической программы историко-культурологических реконструкций нашей собственной науки, а также консолидации усилий специалистов, способных системно разбираться в основных и наиболее значимых магистралях в истории развития культурологии. В этой связи требуется оформление, институционализация исследовательских усилий в области истории культурологии. Поодиночке это чрезвычайно сложное и малоподъемное дело.